

Ирина Всеволодовна Высоцкая

Россия, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

Неоклассика как профилактика методологического срыва

Ключевые слова: структурно-семантическое направление, переходность, синкретизм, функциональная омонимия, субстантивация, модалация, партикуляция, конъюнкционализация

Key words: structural-semantic field, transition, syncretism, functional homonymy, nominalization, modalation, particulation, conjunctionalization

Abstract

Structural-semantic field of modern Russian linguistics has continued the tradition of classical linguistics. Postulates of the theory of transition and syncretism in line with the above mentioned trend are related to the idea of fundamental instability of language, with the view of language as a complex self-organizing system. The author analyses syncretic phenomena as a manifestation of latent resources of language, filling of established forms with new content, “growth points”, and shows the potential of the presented approach with reference to the morphology of modern Russian in describing transformation processes and phenomena of functional homonymy. The complex of homonyms *glavnoe* contains adjectives, nouns, modal words, particles and a component of conjunction complex. The study is based on works of Russian classical and modern literature.

Как и ряд других научных дисциплин, лингвистика миновала стадию «математизации». Значение этого этапа трудно переоценить: «хаотический поток явлений, диффузность их, постоянное движение, изменение, эволюция требовали нахождения более или менее устойчивого инструментария для описания феноменов», и статический тип системы «представил язык как систему обозримую, иерархически упорядоченную» [Герман, Пищальникова 1999: 12]. В «эпоху» структурализма, требующего четкости и упорядоченности, создавались стройные классификации, часто в виде линейного ряда формул. С выходом в свет русских академических грамматик 1952–1954 гг., 1970 г., 1980 г. интерес к исследованию морфологии и синтаксиса заметно снизился.

Неклассический этап сменился разнообразием течений и направлений (антропоцентрический, функциональный, когнитивный, динамический, прагматический и др. подходы). В поисках противовеса инвентарно-таксономическому (по определению Е. С. Кубряковой) направлению, осознав «кризис жанра», исследователи устремляются в «пограничные области».

Отмечая изменения научной парадигмы, С. Г. Воркачев пишет:

На новом витке спирали познания фокус исследовательского внимания закономерно смещается с изученного уже центра на проблемную периферию и закрепляется на стыке областей научного знания: возникают этнопсихология, психолингвистика, когнитивная психология, социолингвистика, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, внутри которых процесс междисциплинарного синтеза и симбиоза продолжается, приводя к вычленению внутри последней, например, этнопсихолингвистики, этносемантики и даже этнофразеологии [Воркачев 2004: 3–4].

Стремительный рост этих направлений (повлекший расширение «сферы деятельности лингвистической реальности») наводит на мысль о синергетическом характере науки вообще, о возможности рассматривать ее как самоорганизующуюся систему.

Между тем неизученная «проблемная периферия» остается в пределах науки о языке. «Ростками» изучения так называемых «антисистемных» тенденций можно считать мысли о существовании неоднозначных грамматических фактов, «примыкающих» к разным категориям, о многообразии «переливов и переходов», о «зыбком и колеблющемся» в языке, высказанные еще в трудах А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, А. Ф. Лосева и других представителей классического отечественного языкознания. Постепенно в русистике формировалось представление о динамическом характере языковой системы.

В конце 60-х гг. XX в. В. В. Бабайцевой были сформулированы основные положения теории переходности и синкретизма применительно к грамматической системе языка. Переходность – это «такое явление в языке, которое скрепляет языковые факты в целостную систему, отражая взаимосвязь и взаимодействие между ними и обуславливая возможность трансформаций» [Бабайцева 1967: 21]. Выбирая в качестве теоретической основы исследования постулаты структурно-семантического направления, В. В. Бабайцева обращает внимание на соответствие формы и содержания типичных грамматических единиц и нарушение этого баланса в синкретичных (периферийных и промежуточных) явлениях, не уместяющихся в «прокрустовом ложе» классификаций.

Систематическое изучение явлений синхронной переходности в грамматике русского языка началось после выхода в свет первой монографии В. В. Бабайцевой [Бабайцева 1967], сами же понятия диахронной и синхронной переходности были осмыслены и определены позже. Диахронная переходность

отражает историю развития системы языка, отдельных его элементов, эволюционные процессы. Синхронная переходность определяется как

[...] такой вид переходности в современной системе языка, при котором связи и взаимодействие между оппозиционными центральными (типичными) категориями (типами), разновидностями, разрядами и т. д. создают (образуют) зону синкретизма с периферийными и промежуточными звеньями [Бабайцева 2000: 27].

Идея диахронной переходности принимается лингвистами, в то время как проблема синхронной переходности остается актуальной, вероятно потому, что, по меткому выражению М. В. Панова, «сознание многих языковедов все же агрессивно диахронично» [Панов 1971: 252].

В. В. Бабайцева ввела в научный обиход термин «синкретичные явления» для обозначения явлений зоны синкретизма между противопоставленными типичными категориями. Синкретизм – это «совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц, противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности» [Бабайцева 1990: 446]. Важно подчеркнуть, что выделение типичных и синкретичных единиц диктует особый подход к описанию языковой системы, предполагающий внимание не только к ее элементам, но и к отношениям между ними.

В. В. Бабайцевой предложена шкала переходности [Бабайцева 1967], которая эффективно используется и как инструмент исследования, и как результативное средство иллюстрации взаимосвязи явлений языка. С помощью буквенных символов как «крайние точки» А и Б представлены типичные единицы языка. Между ними располагаются синкретичные звенья Аб, АБ, аБ, совмещающие в разных пропорциях свойства оппозиционно противопоставленных типичных единиц языка и позволяющие наблюдать колебания в «удельном весе» признаков (то, что сегодня можно назвать «сменой мотива»).

К настоящему времени сложилось научное направление в изучении явлений переходности и синкретизма. Основные его положения реализованы в трудах В. В. Бабайцевой, в работах последователей и учеников. Исследовательское внимание сосредоточивается на выявлении связующих звеньев между типичными (ядерными) единицами, достаточно хорошо изученными к настоящему времени, а также на изучении «языкового пограничья».

Подчеркнем, что описание системы частей речи с учетом синкретичных явлений остается принципиально новым типом описания языка, снимающим противопоставление «системных» и «антисистемных» явлений. Синкретичные образования, не допускающие однозначной квалификации и поэтому нарушающие стройность привычных классификаций, рассматриваются как закономерные, обусловленные взаимосвязанностью противопоставленных ядерных явлений.

Теория переходности, связанная со структурно-семантическим направлением, продолжает традиции классического языкознания на современном этапе и вместе с тем – соотносится с другими, ставшими уже привычными в отечественном языкознании, научными направлениями, представляющими оригинальные принципы описания языковой системы. Это прежде всего выделение постоянных/переменных, оппозитивный анализ, полевая организация. Отметим, что эти принципы являются общенаучными универсалиями, актуальными для описания любой системы, не только языковой. Кроме того, существует и определенная близость теории синхронной переходности с рядом положений трансформационной и генеративной грамматики, а также когнитивной лингвистики.

Очевидно, что синкретизм проявляется на разных уровнях языка и речи и имеет поэтому системный характер. Теория переходности, возникнув как частная синтаксическая концепция (задолго до того, как мысль о динамическом характере языка начала утверждаться в лингвистических исследованиях), приобретает статус оригинального подхода к изучению языковых единиц в их динамике и взаимодействии. Все это соотносится с теорией самоорганизации систем. По определению К. Э. Штайн, теория переходности и синкретизма – «одно из наиболее ярких явлений в постнеклассической науке, лингвистика „на краях”, делающая установку на нестабильность языковой системы, на порождение все новых единиц в процессе взаимодействия подсистем языка» [Штайн 2001: 11].

Основываясь на теории синхронной переходности, мы обратились к исследованию субстантивации (как раз в период наметившегося в современной лингвистике «методологического срыва»). Это явление, казалось бы, достаточно подробно описано в лингвистической литературе, во всяком случае – субстантивация имен прилагательных (см. труды В. В. Лопатина, С. Г. Ильенко, Е. Г. Ковалевской, О. В. Редькиной, С. И. Богданова, Ю. Б. Смирнова и др.) и причастий (в работах Л. И. Ройзензон, М. Ф. Лукина, Л. Ю. Юшиной, В. В. Шигурова и др.). Субстантивация других частей речи изучена в гораздо меньшей степени.

Субстантивация в свете теории синхронной переходности есть результат взаимодействия частей речи современного русского языка. Принципиально важным является противопоставление узуальной иokkaзиональной субстантивации как системно-языкового и речевого явления.

Узуальная субстантивация характерна для всех слов адъективного типа: имен прилагательных, причастий, местоимений-прилагательных, порядковых числительных. Выделены пять типов субстантивации этих частей речи: контекстуальная, ситуативная, срединная, глубокая и квазисубстантивация.

На упомянутой выше пятичленной шкале переходности (**A** – **Aб** – **АБ** – **аБ** – **Б**) выделим дополнительные звенья: **Абб** (между **Аб** и **АБ**) и **ааБ** (между **АБ** и **аБ**). Шкала синхронной переходности (иначе – шкала взаимодействия) [Высоцкая 2009: 8] имеет при этом следующий вид:

А – АБ – АББ – АБ – ааБ – аБ – Б

Пять типов узуальной субстантивации можно представить на шкале взаимодействия в зоне синкретизма между четко противопоставленными в системе частей речи прилагательным (А) и существительным (Б). Эти типы выделены по степени увеличения субстантивных свойств в синкретичных образованиях. Распределение слов проводится на основании: 1) связи с контекстом; 2) родовой закрепленности; 3) наличия омонимичных прилагательных со сходным значением. Подчеркнем, что достаточно полное лексикографическое описание возможно прежде всего для периферийных существительных с фиксированной формой рода: глубоких субстантиватов и квазисубстантиватов.

Важно, что выделенные типы не являются ступенями одного процесса, они сосуществуют в языке. Приведем примеры.

АБ – контекстуальная субстантивация: *Несколько десятков новых годов делают человека старым* (Э. Кроткий).

АББ – ситуативная субстантивация: *В продовольственных слякоть и давка* (И. Бродский).

АБ – срединная субстантивация: *Полюбил богатый – бедную, / Полюбил ученый – глупую, / Полюбил румяный – бледную, / Полюбил хороший – вредную* (М. Цветаева).

ааБ – глубокая субстантивация: *Верующие сговаривались шепотком сделать нам темную* (Ф. Раневская).

аБ – квазисубстантивация: *Артамонова вошла в операционную* (В. Токарева).

К окказиональной субстантивации, которая охватывает практически все части речи и даже синтаксические единицы, отнесены метатекстовая, индивидуально-авторская и субстантивация номинации. Все эти типы так или иначе связаны с воспроизведением чужого слова, однако среди способов передачи чужой речи окказиональная субстантивация обычно не упоминается.

Подчеркнем, что метасубстантивация является способом выражения чужой речи и средством реализации определенной коммуникативной стратегии говорящего: *Очевидное «дважды два – четыре» вызывает у некоторых умников скептические улыбки, лирическое «Собака – друг человека» – никогда* (Н. Самохин).

Индивидуально-авторская субстантивация: *Мост, ты не муж: / Любовник – сплошное мимо!* (М. Цветаева).

Субстантивация номинации: *...осталось следовать за временами года, / петь на-голос «Унылую Пору»* (И. Бродский).

Наша типология основана на структурно-семантическом подходе, однако наше исследование не противоречит антропоцентрическому подходу, поскольку выделение типов субстантивации обусловлено определенной речевой ситуацией. Важно заметить, что контекстуальная и ситуативная узуальная

субстантивации связаны с принципиально разными типами коммуникативных стратегий – нарративом и диалогом. Остальные типы узуальной субстантивации в меньшей степени зависят от типа коммуникативной стратегии. Заметим, что узуальная субстантивация может быть реализована в разных типах речевого поведения – как в утилитарном, так и в семиотическом (см. труды Н. Б. Мечковской и Т. Б. Радбиля). Окказиональная субстантивация проявляется только во вполне определенных типах семиотического речевого поведения: метатекстовом, эстетическом и магическом. Обусловленность поведенческими стереотипами вполне коррелирует с окказиональностью и подтверждает правомерность выделения этих типов субстантивации в особую группу. Это отчасти снимает антиномию системоцентризма и антропоцентризма и демонстрирует перспективность взаимодействия разных подходов в рамках современной научной парадигмы. Именно такое взаимодействие, на наш взгляд, позволяет обрести «второе дыхание» грамматическим исследованиям.

Монографическое описание [Высоцкая 2009] явления субстантивации в свете теории переходности и синкретизма отнюдь не исчерпывает исследование этого лингвистического феномена.

Яркое следствие явления синхронной переходности в сфере морфологии – возникновение функциональных омонимов. Этот термин, предложенный О. С. Ахмановой, принят в работах В. В. Бабайцевой и ее последователь. Функциональные омонимы определяются как «слова, совпадающие по звучанию, этимологически родственные, относящиеся к разным частям речи» [Бабайцева 1967: 14]. Частеречная квалификация с учетом синтаксической функции и категориального значения слов на -О, имеющих нулевые морфемные и морфологические показатели, приводится в разных работах В. В. Бабайцевой (прежде всего в статье о слове *хорошо* и в ряде других, связанных с синтаксическим статусом обобщенно-предметных и указательно-предметных предложений).

Применение методики анализа переходных явлений, разработанной В. В. Бабайцевой и ее учениками, позволяет сделать структурно-семантическое описание ряда функциональных омонимов наиболее точным и создать наиболее полный «лингвистический портрет» – с использованием всей палитры «красок», с учетом многообразных «оттенков» и переходов. Описание функциональных омонимов представлено в специальных словарях омонимов О. С. Ахмановой [Ахманова 1966] и О. М. Ким [Ким 2004]. Однако в данные словари включены только крайние случаи омонимической оппозиции, без анализа переходных явлений. Интересен также опыт Р. П. Рогожниковой, создавшей *Словарь эквивалентов слова*, содержащий модальные, наречные и служебные единства [Рогожникова 1991]. Обширный список функциональных омонимов на -О представлен в кандидатской диссертации С. И. Шумарина [Шумарин 1992].

В выполненных под руководством проф. В. В. Бабайцевой диссертационных исследованиях предложено структурно-семантическое описание

омокомплексов *ничего* (И. В. Высоцкая), *правда* (М. А. Сорокина), *вроде* (О. В. Семёнова), *против* и *напротив* (М. С. Милованова), *много* и *мало* (Ю. Н. Шамшин), *что* (О. Ю. Степанова), *более* и *менее* (О. В. Емцева). Во всех этих работах представлен ряд функциональных омонимов, содержащий дифференцированные и синкретичные звенья. Совсем недавно вышла в свет монография В. В. Бабайцевой *Местоимение ЭТО и его функциональные омонимы* [Бабайцева 2014]. Хотелось бы, чтобы вслед за этой книгой последовали и другие.

В рамках настоящей статьи представим «лингвистический портрет» омокомплекса *главное*. Подчеркнем, что представление о языке как о саморазвивающейся системе обуславливает внимание к явлениям нелинейности и неустойчивости, когда накопление «случайных» элементов приводит к порождению новых единиц. Поэтому при описании омокомплекса *главное* нас интересуют прежде всего условия «смены мотива».

Словарь грамматических омонимов представляет триаду из прилагательного, существительного и модального слова [Ким 2004: 135–136]. На наш взгляд, состав омокомплекса *главное* может быть дополнен служебными словами. Представим этот омокомплекс.

ГЛАВНОЕ 1. Имя прилагательное в форме ср. р. ед. ч., обозначает признак предмета, выполняет функцию согласованного определения: *...раньше, до того как он занимался главным своим делом – литературой и журналистикой, – Костенко знал, где его отловить...* (Ю. Семенов).

ГЛАВНОЕ 2. Имя существительное, ср. р., обозначает субъект (в функции подлежащего) или объект (в функции дополнения): *Яблонский настоятельно просил, чтобы не трогали... А то, говорит, не ровен час главное рухнет* (Ю. Давыдов); «*Старые песни о главном*» (Телевизионный мюзикл).

ГЛАВНОЕ 3. Модальное слово, неизм., оценивает информацию как коммуникативно значимую, употребляется как вводное слово: «*Славная бабушка! – сказал он, открывши табакерку и понюхавши табаку. – Но ведь что, главное, в ней хорошо?»* (Н. Гоголь).

ГЛАВНОЕ 4. Акцентирующая частица, неизм., выделяет один из членов предложения в составе однородного ряда: *...конечно, проснулся. И ничего: ни Чичикова, ни Ноздрева, и, главное, ни Гоголя...* (М. Булгаков).

ГЛАВНОЕ 5. Элемент союзного комплекса (в сочетании с союзами **а**, **но**), неизм., выражает присоединительные отношения между однородными членами предложения или частями сложного предложения: *...Безумью, безденежью, Зевку и любви, – А главное – юности!* (М. Цветаева); «*Помилуй Бог, сколько ты один перенес, **а главное**, братец, как ты хочешь, а тебя надо в офицеры произвести*» (Н. Лесков).

По традиции представлена линейная запись состава омокомплекса *главное*. Однако трансформационные процессы в его пределах протекают по принципу цепной реакции: прилагательное подвергается субстантивации,

глубокий субстантиват со значением обобщенной субстанции (в форме ср. р. ед. ч.) становится источником модалации, модальное слово, в свою очередь, исходной базой для партикуляции, а в сочетании с союзами – и частичной конъюнкционализации. Характер этой многоступенчатой трансформации обозначим термином «каскадность», связанным с представлением о естественном потоке, стремительности, последовательном расположении (в соответствии со значениями слова *каскад* [Ожегов 1990: 270]).

Полным набором дифференциальных признаков обладает только исходная база омокомплекса – имя прилагательное. Остальные функциональные омонимы представляют собой периферийные явления. Существительное со значением обобщенной субстанции относится к типу глубокой субстантивации. Модальное слово *главное* – «на рубеже» между вводными словами и союзами. Акцентирующая частица и союзный комплекс занимают место на периферии служебных слов в силу своей производности.

Тем не менее, эти периферийные единицы в большей степени противопоставлены друг другу по сравнению с промежуточными синкретичными явлениями. Рассмотрим их.

1) Синкретизм адъективных, субстантивных и модальных признаков у слова *главное* в роли однокомпонентной главной части сложноподчиненного предложения: – *Проблема только в том, что никто вас не слышал.* / – *Главное, что я высказался* (Из интервью О. Видова, «Аргументы и факты» 2004, № 47); *Главное, чтобы тебе понравилось* (Т. Радбиль).

Коррелят, играющий роль второго главного члена, опущен. Теоретически грамматическая основа допускает два варианта разбора: *главное* – *это то, что (чтобы)* или *главное то, что (чтобы)*. Однако яркая оценочная сема обуславливает инверсию сказуемого и позволяет воспринимать слово как предикат оценочного суждения. В возможности координации главных членов в роде проявляются адъективные свойства сказуемого.

В этих синтаксических условиях создаются условия и для модалации. Поскольку основная смысловая нагрузка переносится с главной части на придаточную, главная часть выполняет функцию семантической скрепы: содержащийся в ней оценочный вывод становится оценочным прогнозом («диагнозом») для придаточной части.

2) Синкретизм субстантивных и модальных признаков у слова *главное* в функции именной части сказуемого двусоставного предложения – при инверсии: *Чехов в каком-то из писем говорит: в семейной жизни главное – терпение* (Е. Шварц).

Возможность координации по роду в этих конструкциях отсутствует, что позволяет воспринимать их как бисубстантивные предложения.

Обусловленная логикой аргументативного дискурса закрепленная позиция вывода актуализирует модальные свойства слова, дающего оценку последующей информации, более значимой по сравнению с привлекающим

к ней внимание словом-сигналом: *Главное* было для нее: *избавиться от ненавистного брака* (А. Пушкин).

3) Синкретизм свойств модального слова, частицы и союза в роли частицы-союза в начале предложения: *А главное, слушая его, трудно было понять, где его дом, любит ли он кого-нибудь или что-нибудь, верует ли в Бога...* (А. Чехов).

Препозиция может быть следствием парцелляции: *Сравнивая и вспоминая то время, поняла, как сейчас трудно. Актеры – пошлее, циничнее. А главное – талант сейчас ни при чем* (Ф. Раневская).

Изолированный фрагмент текста может выражать не только линейные, но и диалогические отношения. Союз-частица *а главное* выполняет в этом случае и текстообразующую роль, расставляя смысловые акценты в тексте: *В первое время все занимало меня, все было ново, точно я вновь родился. Я мог спать на земле, мог ходить босиком, – а это чрезвычайно приятно; мог стоять в толпе простого народа, никого не стесняя, и когда на улице падала извозчичья лошадь, то я бежал и помогал поднять ее, не боясь запачкать свое платье. А главное, я жил на свой собственный счет и никому не был в тягость!* (А. Чехов).

В «каскадности» трансформационных процессов и в обилии синкретичных явлений проявляется саморазвивающийся характер языковой системы.

Можно утверждать, что неоклассическая теория синхронной переходности и синкретизма, аккумулируя универсальные методы исследования, представляет собой оригинальное научное направление, проверенное временем и практикой школьного и вузовского преподавания. Оно рассматривает язык как целое, пронизанное всеобщими связями и взаимными переходами, и позволяет адекватно отражать сложные механизмы диалектического взаимодействия языковых фактов.

Литература

- Ахманова О. С., 1966, *Словарь лингвистических терминов*, Москва: Советская энциклопедия.
- Бабайцева В. В., 1967, *Переходные конструкции в синтаксисе*, Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд.
- Бабайцева В. В., 1990, Синкретизм [в:] В. Н. Ярцева (ред.), *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва: Советская энциклопедия.
- Бабайцева В. В., 2000, *Явления переходности в грамматике русского языка*, Москва: Дрофа.
- Бабайцева В. В., 2014, *Местоимение ЭТО и его функциональные омонимы*, Москва: Флинта – Наука.
- Воркачев С. Г., 2004, *Счастье как лингвокультурный концепт*, Москва: Гнозис.
- Высоцкая И. В., 2009, *Субстантивация в свете теории синхронной переходности*, Новосибирск: НГПУ.

- Герман И. А., Пищальникова В. А., 1999, *Введение в лингвосинергетику*, Барнаул: Издательство Алтайского университета.
- Ким О. М., 2004, *Словарь грамматических омонимов русского языка*, Москва: «Астрель» – «АСТ» – «Ермак».
- Ожегов С. И., 1990, *Словарь русского языка*, Москва: Русский язык.
- Панов М. В., Об аналитических прилагательных [в:] Ф. П. Филин (ред.), *Фонетика. Фонология. Грамматика. К 70-летию А. А. Реформатского*, Москва: Наука, с. 240–251.
- Рогожникова Р. П., 1991, *Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства*, Москва: Русский язык.
- Штайн К. Э., 2001, Переходность и синкретизм в свете деятельностной концепции языка [в:] К. Э. Штайн (ред.), *Языковая деятельность: переходность и синкретизм*, Москва–Ставрополь: СГУ, с. 11–26.
- Шумарин С. И., 1992, *Способы репрезентации функциональных омонимов в словарях (на материале слов типа ВЕСЕЛО, ХОЛОДНО): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Москва: МПГУ им. В. И. Ленина.